

ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СМЕРТЬЮ
КНИГА ТРЕТЬЯ

ДУШЕГУБ
ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Клим Ардашев

Иван Любенко

**Путешествие за смертью.
Книга 3. Душегуб из Нью-Йорка**

«Автор»

2022

Любенко И. И.

Путешествие за смертью. Книга 3. Душегуб из Нью-Йорка /
И. И. Любенко — «Автор», 2022 — (Клим Ардашев)

В заключительной книге серии «Путешествие за смертью» Клим Ардашев продолжает схватку с неуловимым преступником Морлоком на борту трансатлантического лайнера и в Нью-Йорке. Пять тонн контрабандного царского золота, прибывших в Бруклинский порт, бесследно исчезают. На их поиски устремляется полиция и американская мафия. Частный детектив Ардашев рискует жизнью ради бескорыстной помощи России, охваченной Гражданской войной.

© Любенко И. И., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
I	5
II	6
III	7
Глава 2	10
Глава 3	13
I	13
II	15
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	33
I	33
II	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Иван Любенко

Душегуб из Нью-Йорка

Путешествие за смертью

Книга 3

Светлой памяти Николая Андреевича Диденко посвящается

*Пусть моя рана будет смертельной!
Надпись на сицилийском ноже*

Глава 1

Убийство первой степени

I

Нью-Йорк, Манхэттен, 5 октября 1920 года, 13 часов 35 минут.

Энтони Кавалли поднимался по пожарной лестнице задней части дома по Сорок второй улице. В этом здании находился самый фешенебельный бордель Нью-Йорка.

Добравшись до третьего этажа, он натянул перчатки, вынул из сумки трофей, добытый им ещё два года назад при битве на Марне, и пристегнул магазин-улитку. Передёрнув затвор, бывший рядовой армии США заглянул в окно. Плотные портьеры не были задёрнуты, и перед его глазами предстала сцена, точно из порнографического фильма, который однажды, ещё до войны, купив билет за один доллар, он видел в одном из ночных подпольных синематографов. Толстый обнажённый мужчина лет пятидесяти лежал на кровати, глядя, как две проститутки исполняли перед ним незамысловатый восточный танец.

Он ударил прикладом в окно, и стёкла, будто сделанные из льда, посыпались вниз. Путаны закричали и бросились в соседнюю комнату. Их клиент успел лишь подняться и повернуться к окну. В его широко раскрытых глазах читались страх и удивление. Палец нажал на спусковой крючок, и длинная автоматная очередь отбросила любителя продажных женских тел к стене, превратив в кровавое месиво. Дело было сделано, и пора было убираться.

Энтони спустился вниз, сунул оружие в сумку и спокойно покинул двор. За углом, на Пятой авеню, напротив витрины модного магазина одежды New Lifestyle, его ждал угнанный Pierce-Arrow. Бросив сумку на переднее сиденье, он сел за руль. Автомобиль, оправдывая своё название, сорвался с места, точно выпущенная стрела. «Хорошая машина. К тому же ещё и купе, – подумал Энтони, вливаясь в транспортный поток. – Жаль будет с нею расставаться. Совсем новая. Но хозяин – растяпа. Уже успел помять левое заднее крыло. Ничего, скоро такая появится и у меня. Первое испытание я выдержал».

II

Начальник отдела по расследованию убийств в Западном округе лейтенант Фрэнк Нельсон уже заварил кофе на электрической кофеварке и собирался отведать сэндвич с ветчиной и солёным огурцом, как судорожно задрожал Bell Telephone. Он поднял трубку и приложил к уху.

– Еду, – рявкнул он в микрофон и, не дожидаясь выезда следственной группы, снял с вешалки кепку и плащ. Поправив галстук-бабочку, полицейский спустился к выдавшему виды казённому «Форду-Т». Пришло известие о происшествии на Сорок второй улице.

За последние семнадцать лет службы тридцативосьмилетний Нельсон уяснил одно важное правило: на место происшествия следует приезжать первым. В этом случае есть надежда схватить удачу за хвост и раскрыть преступление по горячим следам. Главное – не дать зевакам уничтожить следы. И не стоит никого бояться, в особенности если у тебя в кобуре безотказный и верный друг полицейского – шестизарядный револьвер (Colt Police Positive) тридцать восьмого калибра, способный продырять любой бронежилет.

Через полчаса, объехав уличные пробки, лейтенант уже осматривал труп. Судя по документам, в этот вторник крупно не повезло лидеру профсоюза докеров Бруклинского порта Мэтью Хиллу. Убийство первой степени. Злодею светит «танцплощадка»², только покойнику от этого не легче.

Нельсон уже успел опросить уличного торговца мороженым, когда во дворе показалась следственная группа. Фотограф принялся щёлкать камерой, а детектив Джеймс Райт, закулив «Лаки страйк», собирал гильзы.

– Что скажешь, Джим? – осведомился Фрэнк.

– Тут куча гильз от парабеллума. Но свидетели слышали пулемётную очередь, а не одиночные выстрелы.

– Это работа немецкого автоматического пистолета Шмайссера МП-18, – открывая новую жёлтую пачку «Кэмел», предположил лейтенант. – Им вооружались германские штурмовые отряды во время последней войны. Этого трофея наши герои навезли немало. Очень популярная штука на чёрном рынке оружия. Неплохо бы и нам иметь в отделе хотя бы парочку таких. Но пока полиции достаются только гильзы от него.

– А что лепечут свидетели?

– Проститутки, сам понимаешь, молчат. Но мне удалось разговорить продавца хот-догов. Он заметил, как, после того как раздалась стрельба, в припаркованный со стороны Пятой авеню Рьерсе-Аггюв сел мужчина в кепке и куртке. Он очень торопился, и его железный конь тут же сорвался с места, чуть не сбив прохожих.

– Номер разглядел?

– Нет. Да и зачем он нужен? Не мне тебе объяснять, что машина, скорее всего, угнана. Но он заметил вмятину на левом заднем крыле.

– Это уже кое-что.

– Смотри-ка, – указывая кивком во двор, проговорил лейтенант. – Газетные писаки понаехали. Эти проныры и до свидетелей уже добрались. Пойду-ка я их разгоню, а то о помятом крыле сегодня вечером узнает весь Нью-Йорк.

– Давай, Фрэнки, поторопись. А мне больше тут делать нечего. Встретимся в отделе.

² «Танцплощадка» (*сленг*) – электрический стул.

III

1920 год пришёл в Америку почти одновременно с законом Уолстеда, принятым во исполнение восемнадцатой поправки к Конституции США, установившей запрет на употребление алкоголя. Теперь на территории всех штатов действовал сухой закон, или *prohibition*³. Согласно новым порядкам производство, транспортировка и продажа алкогольных напитков считались незаконными, тогда как их покупка никак не наказывалась. Сам запрет начал действовать в одну минуту первого ночи 17 января 1920 года, а первое задокументированное его нарушение произошло ровно через пятьдесят девять минут. Американцам предложили довольствоваться безалкогольным пивом, четырёхградусным шампанским и фруктовыми коктейлями. Для преступных группировок наступило золотое время. Народ хотел пить, и кажется, ещё больше, чем до «прохибишена», а пить было нечего. Контрабандный алкоголь тёк в Штаты со всего света, а в городах почти повсеместно начали производить алкоголь совершенно разного качества.

Дон Винченцо Томмазини – *Capofamiglia*⁴ – родом из Муссомели (небольшого городка в горной части Сицилии провинции Кальтаниссетта), ничего не имеющий общего со своим полным тёзкой итальянским композитором, успел, что называется, «во время стать в круг». Он наладил доставку в Нью-Йорк на грузовиках «Форда» и «Мака» сначала сотни, а потом и тысячи ящиков высококачественного виски, рома, джина и даже крепкого имбирного пива, производимого на винокурнях Детройта бандой *Purple gang*⁵.

Морской терминал Южного Бруклина, судоходный, складской и производственный комплекс, расположенный вдоль Верхнего Нью-Йоркского залива, между Двадцать девятой и Тридцать девятой улицами, находился в руках дона Томмазини прежде всего благодаря тому, что профсоюзный босс докеров Мэтью Хилл был у него на коротком поводке. По желанию дона докеры в любой момент могли объявить забастовку и остановить работу порта. Бывали случаи, что при разгрузке или погрузке судов особенно строптивым и жадным представителям судоходных компаний приходилось не только тушить пожары на своём борту, но и мерить глубину дна.

Но сегодня какой-то мерзавец начинил жирную тушу Хилла одиннадцатью унциями свинца⁶. Об этом ему только что доложил его консьюльери⁷ Альберто Риццо, бывший в миру биржевым маклером. Подтянутый и аккуратный, с правильными чертами лица, он стоял перед доном, слегка облокотившись на косяк двери.

Дон, невысокий, сухощавый человек пятидесяти восьми лет, с тонкой ниткой усов, утонув в кресле, отламывал кусочки галет, запивая их маленькими глотками кьянти. Наконец он поставил на столик бокал, откинулся на спинку кресла и, держась за подлокотники, проронил:

– Пятьдесят тысяч человек остались без профсоюзного начальства. Стадо может выбрать себе нового вожака самостоятельно. Этого нельзя допустить.

– Предлагаю поставить на его место Родригеса Райта. Он всегда держит нос по ветру, да и на скачках частенько поигрывает. Содержит любовницу.

– Хорошо, – согнав с носа невидимую муху, кивнул Томмазини. – С профсоюзным советом, думаю, проблем не будет?

³ Запрет (*англ.*). Понятие «сухой закон» в русском языке часто заменяют на английский манер словом «прохибишен».

⁴ Глава «семьи», дон (*итал.*).

⁵ «Пурпурная банда» (*англ.*).

⁶ Около 300 г.

⁷ *Consigliere* (*итал.*) – советник.

– Они не посмеют отказать, если им дать понять, что он ваш назначенец. К тому же Райт и сам член совета.

– Поговори с ним и приставь к нему охрану. Пусть пока нигде не шляется, а сидит дома с женой. А то и его прихлопнут, как клопа.

– Всё сделаю.

Дон Томмазини пробарабанил пальцами по деревянному подлокотнику, нахмурился и спросил:

– У тебя есть соображения, кто его пришил?

– Скорее всего, люди Луиджи Моретти.

– Я так и думал. Эти чёртовы выходцы из Катании⁸ спят и видят порт своим, – насупив брови, выговорил дон. – Надо их наказать, только вот каким способом? Ведь они не затронули членов нашей «семьи». Начинать войну раньше времени не стоит. Да и стволов у них теперь уже столько же, сколько и у нас.

– В пятом терминале порта на восьмом складе с января месяца на ответственном хранении находится арестованный груз из Шотландии – двести пятьдесят ящиков превосходного «Джонни Уокера». Пароход пришёл с опозданием. Трюмы разгрузили как раз в ночь наступления «прохибишена». Говорят, Луиджи Моретти пытается договориться с властями, чтобы прикарманить груз. В таможенной и складской конторе есть наши люди. Для начала мы помещаем ему провернуть эту махинацию, а потом попробуем забрать виски себе.

– Не тяните с этим.

Консильери кивнул.

– Займусь сегодня же.

– Только этого мало. Надо отправить к Господу на исповедь какого-нибудь подручного Моретти, не входящего в его «семью». Например, контролёра нелегальных забегаловок, в которых продают их отвратную сивуху. По-моему, он американец. Я забыл его имя...

– Френсис О'Нейл. Ирландец по происхождению.

– Тем более. Ненавижу этих Микки. – Дон пожевал губами и добавил: – Неплохо бы понаделать в нём столько же дырок, сколько они наставили в Мэтью Хилле.

– Сделаем, не сомневайтесь. Но есть ещё новость.

– Говори.

– На тот же восьмой склад из Европы поступил груз – одиннадцать с лишним тысяч фунтов чистейшего золота, или пять тонн.

– Кто получатель?

– Пока неясно.

– Интересно. Держи меня в курсе этого груза.

– Хорошо.

Из кухни доносился аромат баранины по-сицилийски – блюда, знакомого каждому жителю итальянского острова с самого детства.

– Хватит о делах. Пора обедать, – вставая, проронил дон Томмазини и вдруг, услышав шум, похожий на пулемётную очередь, замер. Но потом улыбнулся и сказал: – Это ветер. Он опять сорвал жёлуди с моего любимого дуба и рассыпал по крыше. Их надо подобрать и посадить вдоль дороги, ведущей к дому. Будет красиво. Распорядись.

– Хорошо.

Прихрамывая на левую ногу и опираясь на трость с серебряной ручкой, дон Томмазини направился в гостиную. Слегка ныла левая коленка с повреждённым мениском. Врач советовал сделать операцию, но он всё откладывал. Было много неотложных дел.

⁸ Катания – провинция Сицилии.

Налетевший на Лонг-Айленд ветер не успокаивался и срывал с деревьев листву, точно хотел видеть их обнажёнными. А где-то в Атлантике уже бушевала буря, подбрасывая на волнах огромный пароход, как щепку.

Глава 2

Беспроволочный телеграф

«Роттердам» попал в шторм. Огромное для своего времени судно длиной шестьсот шестьдесят семь футов⁹ и шириной почти восемьдесят¹⁰ рассекало волны со скоростью семнадцать узлов в час. Столицу Нидерландов и Нью-Йорк разделяли три тысячи сто пятьдесят девять морских миль, которые пароход должен был преодолеть за шесть суток, но ураган вносил свои поправки, и путешествие трёх тысяч ста сорока пассажиров и четырёмсот восьмидесяти членов экипажа через Атлантику затягивалось.

Вояжёры первого класса, имея больше всего удобств, коротали время в зале, отделанной тёмным испанским красным деревом, где звучал орган или пианино. Некоторые предпочитали пальмовый сад со стеклянным куполом и витражами, другие отдавали предпочтение тишине библиотеки с книгами на разных языках, а иные сживали в курительных комнатах – верхней или нижней, смакуя дорогие сигары и смеясь над собственными остроумиями. Все помещения были покрыты резиновым ковром зелёного цвета. И звук шагов скрадывался настолько, что казалось, пассажиры шествуют по воздуху. Были и те, кто рисковал выйти на прогулочную палубу, но лишь в ту её часть, где имелись стеклянные крышки, спасавшие от морских брызг. После того как пошёл дождь, выход на палубу запретили. На деревянном полу можно было легко поскользнуться и получить травму.

Второй класс, конечно же, обитал в более скромных условиях. На верхних палубах располагались салон для дам и кают-компания, отделанная дубом. Да и стол не отличался тем разнообразием, какое присутствовало в первом классе. Что касается запретов, то в каютах второго класса наряду с планом судна и расписанием времени посещения столовой имелись и вполне разумные советы, написанные с изрядной долей юмора, чего не следует делать во время плавания. Так, не рекомендовалось «вызывать каютную прислугу более пятидесяти раз за ночь» или «ухаживать за девицами, отправившимися в путешествие с целью выйти замуж». Говорилось также, что «не стоит развлекать нервных женщин рассказами о корабельных крушениях», как и «не нужно кичиться своим высоким общественным положением, особенно если ты путешествуешь во втором классе». Неизвестный автор также просил «не рассчитывать получить во втором классе такие же удобства, как и в первом, требуя этого от прислуги», и предостерегал от неразумного «чревоугодия, вызванного желанием съесть все продовольственные припасы, поскольку за билет с едой уже уплачено».

Пятистам восьмидесяти пассажирам третьего класса, имевшим каюты на четырёх человек, приходилось довольствоваться лишь прогулочной площадкой в три тысячи двести двадцать девять квадратных футов¹¹. Да и питание в столовой было посменным. И если первый класс мог насладиться устрицами, фуа-гра, жареными голубями, ягнёнком под мятным соусом и французскими винами, а второй отведывал соте из курицы по-лионски, утку в яблочном соусе или холодного лосося, то для третьего класса еда была проще: копчёная сельдь, варёные яйца, ветчина и картошка в мундире. Но шторм свёл на нет все старания коков. Страдающие от морской болезни вояжёры всех трёх классов не выходили ни к завтраку, ни к обеду, ни к ужину, а рядом с их кроватями были подвешены эмалированные тазики.

Лилли Флетчер и Эдгар Сноу тоже не переносили качку и остались в своих корабельных кельях.

⁹ 233 м.

¹⁰ 24 м.

¹¹ 300 кв. м.

Ещё в первый день пребывания на судне Ардашев составил протокол осмотра каюты Баркли, где подробно указал все пропавшие документы. Этот документ был подписан двумя понятыми – пассажирами второго класса – и скреплён корабельной печатью. А сегодня утром выяснилось, что по счастливой случайности у Баркли остался страховой полис на предъявителя на груз № 3390, заверенный печатью American National Insurance Company¹². Радостный американец оповестил об этом Войту, и теперь они оба уже находились в каюте Ардашева.

– Это меняет дело, – выговорил Клим Пантелеевич.

– Что вы собираетесь предпринять? – нетерпеливо осведомился банкир.

– Надобно срочно сообщить в порт Нью-Йорка о том, чтобы они не производили растаможивание груза № 3390, поскольку документы на него были украдены.

– Вы думаете, нам это удастся?

– А почему нет? Вы разве не помните историю Харви Кrippена и Этель Ли Нив?

– Признаться, нет.

– Об этом писали все мировые газеты. Десять лет назад Кrippен убил в Лондоне свою жену, после чего вместе с любовницей, переодетой в мальчика, ударился в бегство. Они купили билет на пароход в Америку, но благодаря беспроволочному телеграфу их арестовали прямо на судне.

– Тогда надо потребовать ареста Морлока! – гневно потряс кулаком Баркли.

– Во-первых, мы не знаем его имени и фамилии, а во-вторых, уголовное дело по факту кражи документов не возбуждено, потому власти порта и пальцем не пошевелят, чтобы кого-то задерживать, в-третьих, у них нет таких полномочий.

– Так пусть это сделает полиция!

– На каком основании? – вмешался Войта.

Баркли пожал плечами.

– Ну не знаю. Вы же детективы, вот и придумайте что-нибудь. Нельзя же просто так сидеть сложа руки, пока преступник заберёт золото.

– Неужели не понятно, что после нашего сообщения по беспроволочному телеграфу груз Морлоку не выдадут? – возмутился бывший полицейский. – К тому же мы попросим капитана потребовать ответного сообщения от властей порта, чтобы удостовериться, что они приняли наше послание.

– Вы совершенно правы, дорогой Вацлав, – кивнул Ардашев. – Так и поступим. Поэтому давайте прямо сейчас отправимся к капитану.

Не прошло и получаса, как в Нью-Йоркский порт ушла радиограмма: «Настоящим сообщаем, что карго № 3390, прибывающий в порт Нью-Йорка на судне „Балтимор“, следует задержать до решения вопроса о его принадлежности. Находящийся на пароходе „Роттердам“ мистер Джозеф Баркли утверждает, что именно он является собственником указанного груза. Прошу подтвердить получение сообщения. Капитан парохода „Роттердам“ Герман Ван Дейк. Атлантический океан, 6 октября 1920 года».

Почти сразу поступило подтверждение о получении радиограммы.

– Вы думаете, мне удастся увидеть мои ящики? – глядя на Ардашева, с сомнением спросил американец.

– Надеюсь, хотя кто знает?

– Что? – тряхнул головой банкир. – Что вы имеете в виду?

– Шторм, мистер Баркли. Я имею в виду шторм.

– Да, судно трещит так, будто вот-вот лопнет.

¹² Американская национальная страховая компания (англ.).

– Это обманчивое ощущение. Наш пироскаф¹³ бегаёт по Атлантике уже двенадцатый год. Он сравнительно молод. Такие пароходы живут обычно, полвека.

– Вижу, что вы не страдаете морской болезнью. Предлагаю выпить по рюмашке. А то ведь в Нью-Йорке с этим будет сложнее. Наши дубоголовые правители ввели так называемый сухой закон. Мы его окрестили «прохибишен».

– Благодарю. Но я собрался заняться механотерапией на физкультурных снарядах Цандера. Последний раз я имел такую возможность девять лет тому назад, когда отдыхал в Эссентуках¹⁴.

– Эссентуки? Где это?

– Это Северный Кавказ, юг России.

– Тогда, с вашего позволения, я заберу с собой мистера Войту.

– Не возражаю. Только помните, что в наших с вами интересах доставить моего помощника в Нью-Йорк живым. Он нам ещё очень пригодится.

– Не сомневайтесь. Я не позволю ему спиться, – улыбнулся американец и, достав из тубы сигару, закурил.

Клим Пантелеевич вернулся в каюту, чтобы переодеться для спортивных занятий. Неожиданно в дверь постучали. Это был матрос. Извинившись за беспокойство, он наглухо закрыл два иллюминатора специальными металлическими щитами. Шторм усиливался.

¹³ Пироскаф (*греч.*) – устаревшее название парохода.

¹⁴ Об этом читайте в романе «Убийство на водах», или смотрите одноимённый фильм.

Глава 3

Таинственный незнакомец

I

В Нью-йоркском порту, как всегда, было людно и шумно. Скрипели портовые краны-жирафы и ревели лебёдки. Пахло нефтью, морем и выхлопными газами грузовиков, то и дело проезжающих мимо. Ветер качал верхушки полуголых клёнов.

На автостоянке у таможенной конторы можно было увидеть все марки машин, бегавших по американским дорогам. Были тут американские «Форды», «Шевроле», «Виллисы», «Доджи», «Бьюики», «Оукленды», «Максвеллы», «Олдсмобили», французские «Ситроены» и «Бугатти», немецкий «Мерседес» и даже один английский «Роллс-Ройс» выпуска этого года. К паркингу подкатил старенький «Рено», но места ему не нашлось, и водитель отогнал автомобиль подальше, почти прислонив его правым боком к стене конторы – длинного одноэтажного здания, куда хозяин автомобиля и направился.

У окошка № 8 с надписью: «Приём документов на оформление груза» скопилась небольшая очередь. Наконец минут через двадцать хозяин «Рено» добрался до полукруглого стеклянного окошка и осведомился:

– Скажите, а пришёл ли пароход «Балтимор» из Стокгольма?

Чиновник посмотрел в журнал и ответил:

– Да, сэр. Он стоит у пятого причала на первой пристани. Разгрузку закончили ещё вчера.

– Я могу начать оформление товара?

– Да, сэр. Какой номер груза?

– 3390.

– Одну минуту, я проверю по накладным... Ага. Нашёл. Но тут резолюция начальника таможни. Написано: «Груз спорный. Не выдавать».

– Как это не выдавать? В чём причина?

– Вчера мы получили спецсообщение по беспроволочному телеграфу с борта парохода «Роттердам». Вот, пожалуйста, – он взял в руки лист бумаги с набранным на печатной машинке текстом и прочёл: – «Настоящим сообщаем, что карго № 3390, прибывающий в порт Нью-Йорка на судне „Балтимор“, следует задержать до решения вопроса о его принадлежности. Находящийся на пароходе „Роттердам“ мистер Джозеф Баркли утверждает, что именно он является собственником указанного груза. Прошу подтвердить получение сообщения. Капитан парохода „Роттердам“ Герман Ван Дейк. Атлантический океан, 6 октября 1920 года».

– Какая-то чушь! Это же обман! Я получатель груза. У меня и документы на него есть.

Служащий таможни пожал плечами.

– Я ничего не могу поделать. Вы же сами понимаете, что это указание начальства. Если хотите, можете оставить свой номер телефона, и, как только ситуация прояснится, мы вам обязательно сообщим. А что за груз?

Ответа не последовало. Мужчина зашагал прочь. Служащий таможенного управления видел в окно, как незнакомец сел в «Рено», развернулся почти под окнами конторы и скрылся за поворотом. «Станный какой-то тип, – подумал он. – Надо глянуть, что за груз указан в корабельных документах... Так-так... О, Святая Мария!.. Кто бы мог подумать! Золото!» Сердце учащённо забилося. Он вынул пачку «Меликринос» и задымил. Когда окурок обжёт пальцы, чиновник потянулся к телефону. Набрал нужный номер, сказал:

– Это я, Джим. Есть серьёзный разговор. Надо бы встретиться... да, сегодня в шесть. На том же месте. В Speakeasy. Окей.

II

Дон Луиджи Моретти восседал за рабочим столом своей конторы в Верхнем Ист-Сайде. Он был выходцем из Сицилии и боссом почти половины Манхэттена. Сорока восьми лет от роду, тучный, с толстыми губами и носом-картошкой, с зачёсанными назад и набриолиненными чёрными волосами, он сошёл бы за обычного вышибалу в ресторане или итальянского гангстера-стрелка, если бы не подобранная со вкусом дорогая одежда. Глава «семьи» из Катании всегда одевался по моде, но не крикливо: белая шёлковая сорочка, жилет с высокими пуговицами, с отворотами и тёмно-красный галстук с булавкой, украшенной бриллиантом, укороченный двубортный тёмный пиджак и брюки, естественно, без всяких там заумных манжеток на пуговицах и расцветок с меловыми полосками или, не дай бог, клетками. Из обуви он предпочитал туфли броги, украшенные элементами из крокодилийей либо страусиной кожи, или чёрные дерби фирмы Hurd Shoe Co. На мизинце левой руки дон носил золотой перстень с простым чёрным агатом – подарок матери на двадцатилетие.

Последние десять лет *cosca*¹⁵ держала игорные притоны, лотерею и публичные дома. Но с вводом сухого закона он устроил в старых, заброшенных складах пять подпольных заводов по производству третьесортного алкоголя – «муншайна»,¹⁶ названного так из-за того, что это пойло гнали тайно ночью. Самогон был дешёвый, и его было так много, что Моретти начал открывать подпольные питейные точки под названием *Speakeasy* («тихая беседа»), плодившиеся со скоростью диванных клопов и уже покрывших почти половину Манхэттена. Только половина – это не весь Манхэттен. А в мечтах он видел себя не только местным алкогольным королём, но и «капо ди тутти капо»¹⁷ всего Нью-Йорка. Для осуществления этой мечты нужно было прикарманить морской терминал Южного Бруклина, но руководство портом находилось в руках его главного соперника и давнего врага – Винченцо Томмазини, возглавлявшего сицилийскую «семью» выходцев из провинции Кальтаниссетта. Надо заметить, что Моретти арендовал пакгаузы у дальней пристани и там начал потихоньку принимать контрабандный ром. Но это были кошкины слёзы по сравнению с требуемыми объёмами качественного алкоголя, потому что народ начинал постепенно отказываться от «муншайна». Поразмыслив, Моретти решил использовать уже опробованную тактику при создании сети подпольных баров. И если для открытия *Speakeasy* он отыскивал любые пустующие помещения на Манхэттене и тут же арендовал их, шагая от улицы к улице, то в порту он принялся устраивать своих людей на любые должности, от бригадира грузчиков, крановщиков до начальников таможенных смен. Многие, получая от «семьи» Моретти солидную добавку к жалованью, не подозревали, что их коллеги тоже служат выходцам из Катании верой и правдой за нелишние тридцать или пятьдесят дополнительных долларов в месяц. Единственное, что не удалось дону, – это подкуп лидера тред-юниона докеров Нью-Йоркского порта. Но Мэтью Хилл лежал в морге, а трое из пяти профсоюзных боссов уже «присягнули» Моретти, приняв тонкие, но ценные газетные свёртки с грэндами¹⁸, пообещав проголосовать за кандидатуру Фрэнка Лесли на выборах председателя.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошёл высокий итальянец с крючковатым носом, неестественно длинными, как у шимпанзе, руками и тяжёлым, почти немигающим взглядом. Худое, выбритое до синевы лицо сливалось с такого же цвета сорочкой. Тёмный галстук. Чёр-

¹⁵ «Семья», клан – основная ячейка мафии. Может состоять из родственников. Организованная преступная группа; *cosche* по-итальянски и *coschi* по-сицилийски. Слово происходит от *cosca* – ботва от артишока.

¹⁶ *Moonshine* – лунный свет (*англ.*).

¹⁷ *Capo di Tutti Capì* – босс всех боссов (*итал.*).

¹⁸ Грэнд (от *англ.* *grand*) – жаргонное слово, обозначающее денежную купюру в 1 000 долларов США или сумму в 1 000 долларов, также соответствует русскому «штука».

ные туфли. Иной мог принять ежедневное обличье Марио Эспозито – сотто капо (Sotto Capo)¹⁹ – за траурный наряд. Но нет. Это был ежедневный образ второго человека в «семье», пришедшего на утренний доклад. Дону иногда казалось, что своим видом он призывал себе на помощь дьявола.

– Доброе утро, ваша милость.

– Послушай, Марио, я ведь просил не называть меня так. Ты же не какой-то там стрелок²⁰.

Ты – мой заместитель. Меня устраивает и американское «босс».

– Да, босс.

– Садись. Я не люблю, когда ты смотришь на меня сверху. Кстати, как там поживает наш новоявленный киллер?

– Спокоен, как бегемот, – умащиваясь на стул, хмыкнул Эспозито. – Рассказал об убийстве Хилла как о прогулке в булочную.

– Так ведь он два года в Европе только этим и занимался. Надо принять его в солдаты и заплатить премию. Дай ему триста долларов. Пусть парень погуляет. И жалованье на первых порах тоже триста. Не надо баловать, а то обленятся и забудут, что деньги зарабатываются главным образом кровью. Пусть ходит под началом Сумасшедшего Чарли. Он у нас самый авторитетный капо²¹.

– Хорошо, босс.

Дон Моретти потёр лицо ладонями, откинулся на спинку кресла и спросил:

– Как идут дела с виски, арестованным властями ещё в январе? Когда наконец ты его спишешь на бой?

– Двести пятьдесят пять ящиков на бой никак не выйдет, босс, – вздохнул Эспозито. – Это невозможно.

– Хорошо. Тогда вывези виски, оставь несколько ящиков с пустыми бутылками и сожги склад. Я не могу допустить, чтобы Томмазини заработал двести пятьдесят тысяч кусков. А если он разбавит виски четырежды – а он так и сделает, – то получится приличный куш – гальш!²² Чуешь?

– Пока не удаётся выбить разрешение на «утилизацию» груза как товара ненадлежащего качества. Мешает один белый воротничок. Прикидывается честным.

– Кто таков?

– Алекс Фридман.

– Еврей?

– Да, эмигрант из России.

– И ты не знаешь, что с ним делать? Суньте ему проститутку, а потом пусть она заявит об изнасиловании, если он не согласится пойти нам навстречу.

– Я думал об этом, но не выйдет. Примерный семьянин. Женился на американке, завёл семью.

– Поговори с ним. Дайте ему тысячу. У него есть автомобиль?

– Да, в кредите. «Виллис», трёхлетка.

– Если не согласится, спалите машину. А потом снова предложите грэнд. Если не возьмёт, обрейте налысо жену и скажите, что в следующий раз с нею развлекутся негры в трущобах Гарлема. И только после этого мешок на голову, бетонные ботинки на ноги – и в Гудзон.

¹⁹ Младший босс (*итал.*) – подручный, заместитель дона. Второй человек в «семье». Он назначается непосредственно доном и отвечает за действия всех капо.

²⁰ Стрелок, боец или солдат – рядовой исполнитель в «семье».

²¹ Капо (от итал. *Sarogegime*) – глава «команды». Сокращается до «капо». Подчиняется обычно главе «семьи» или его заместителю. Возглавляет отряд рядовых исполнителей (солдат, бойцов или стрелков).

²² Гальш (от англ. *gosh*) – сленг, соответствует русскому жаргонному «лям», «лимон» (миллион).

– Всё сделаем, босс. Не сомневайтесь. Мне позвонил наш человек из порта. Попросил о встрече. Он рассказал, что на транспортном судне «Балтимор» пришёл груз из Стокгольма. Его отправили на таможенный склад. А тут прилетело сообщение по беспроводному телеграфу с парохода «Роттердам», который идёт к нам и со дня на день причалит, что карго этот спорный. Указали даже его номер. Вчера на таможне появился какой-то тип, судя поговору, из Сан-Франциско. У него были документы на предьявителя, подтверждающие права на этот товар. Но из-за этого сообщения ему груз не выдали. Так распорядилось начальство. И он исчез. Самое интересное, босс, – Марио сделал театральную паузу и закончил: – Этот товар – золото в слитках. Одиннадцать с лишним тысяч фунтов, или пять тонн.

Дон Моретти вынул из деревянной коробки любимую ямайскую сигару «Сифуэнтес», свёрнутую из трёх разных сортов табака: начинка – из листа «Пилото Кубано», выращенного в Доминиканской Республике, связывающий лист – из Джембера на Ямайке, а покровный – из табака сорта «Коннектикут Шаде». Он аккуратно отрезал гильотиной кончик и, чиркнув настольной зажигалкой, упрятанной в красно-коричневый сердолик, прикурил. По кабинету поплыл аромат дорогого табака. Насладившись двумя неглубокими затяжками, дон покачал головой и сказал:

– Одиннадцать тысяч фунтов спорного золота?

– Совершенно верно.

– То есть ничейного?

– Я принёс копию того сообщения из Атлантики. Посмотрите?

Пробежав глазами текст, дон Моретти заметил:

– А я уже слышал что-то про этого Баркли. Он, по-моему, банкир. Это всё, что я о нём помню. Ты собери о нём информацию, и мы вместе покумекаем, как дальше быть.

– Сделаю, босс.

– А нет ли данных получателя груза?

– Он очень быстро смылся. Даже телефона не оставил. Но наш человек успел разглядеть и запомнить три последних цифры номера серого «Рено» – 638.

– Ищите, ищите его! Надо сказать всем капо, пусть дадут приказ своим людям заняться его поисками. Я не думаю, что машина в угоне. Он же не на убийство ехал. Ну и твой человек в порту должен быть готов к его новому появлению. Надо, чтобы кто-то из наших ребят там постоянно дежурил. Если удастся вновь встретить этого субъекта, пусть сопровождают его до дома или до работы. Узнают, кто он. А потом притащат к нам.

– Я понял, босс.

– Других новостей нет?

– Нет, босс.

– Тогда занимайся русским евреем и золотом. Ступай.

Марио Эспозито слегка поклонился в знак уважения и удалился.

Дон Моретти остался один. Он поднялся из-за стола и заходил по комнате нервными шагами. Потом вдруг остановился у окна и подумал: «Неплохое начало дня – одиннадцать тысяч фунтов ничейного золота! Такого не бывает. Золото всегда бывает чьё-то!»

Глава 4

Притаившаяся смерть

На четвёртый день плавания шторм утих. Он кончился ранним утром так же внезапно, как и начался. Ещё не совсем успокоившийся ветер разогнал по курсу следования парохода тучи. Засинело небо. Волны больше не пытались раскачивать корабль и обрели привычную высоту на уровне ватерлинии. Разведённое недавней бурей волнение превратило океанскую поверхность в голубую зыбь. Пассажиры потянулись на завтрак. Их осунувшиеся лица вновь улыбались друг другу при встрече.

Ардашев и Баркли прохаживались по палубе.

– Как вы думаете, почему Морлок в предпоследнем письме, полученном вами в Берлине по пневматической почте, не упоминает «Легиа-банк»? – осведомился частный сыщик.

– Шут его знает, – дымя сигарой, пожал плечами американец. – Я не могу знать, что в голове у этого мерзавца. Отчего это вас так волнует?

– Видите ли, мне кажется, что он догадывался о том, что ваша статья в «Нью-Йорк таймс» о покупке «Голиафов» – чистой воды фикция.

– Почему вы так решили?

– Помните, сразу после отравления Перкинса, когда Морлок прислал засушенную фиалку, он вновь писал о вашей репутации, шантажировал, что пошлёт партнёрам грязную статейку?

– Да, конечно.

– А в следующем послании, где он упомянул меня, преступник перешёл к другим угрозам, включая вашего сына, но об этом пасквиле он больше не обмолвился. С чего бы это?

– Да откуда мне знать? – нервно развёл руками банкир.

– Я проанализировал разные события, и у меня сложилось мнение, что во время нашего пребывания в Берлине Морлоку стали известны детали вашей сделки с золотом. После этого он резко изменил тактику. Его уже ничто не интересовало, кроме груза на «Балтиморе». Иначе бы он не крал документы и не пересаживался бы на дирижабль.

Баркли молчал.

Клим Пантелеевич внимательно посмотрел на собеседника и сказал:

– А вот каким образом злоумышленник сумел разузнать об этом, знаете только вы. И я надеюсь, вы мне об этом расскажете.

– Вам бы в полиции служить, – вздохнул Баркли, потом осмотрелся по сторонам, будто боясь, что его кто-то услышит, и выдал: – Возможно, я сам ему всё выложил.

– Кому? – приподнял брови Ардашев.

– Морлоку, – просипел американец и швырнул сигару за борт.

– То есть как?

– После событий в ресторане «Дрессель» я, как вы помните, надрался до чёртиков, и Войта отвёл меня в номер. У меня оставалось ещё достаточно виски, и я, выйдя в коридор, искал того, кто готов разделить со мной пару стаканов. Там я встретил человека, который был не просто американец, а санфранцисканец.

– С чего вы это взяли?

– Он говорил «dontcha» вместо «don't you» и «Youga» вместо «You are». Незнакомец произносил «Сампенсиско», а не «Сан-Франциско». Я выболтал ему всё на свете.

– И про «Балтимор»?

– Да про всё! – махнул рукой банкир. – Правда, утром я не мог понять, во сне это было или наяву, и утешал себя мыслью, что мне это пригрезилось. А потом вы сказали мне, что

в нашем отеле жил американец и что из книги регистрации постояльцев вырвали несколько страниц. Сопоставив это с попыткой отравления Эдгара в ресторане «Дрессель», я понял, что именно с Морлоком я и трепался.

– Every cloud has a silver lining²³.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вооружив преступника информацией о «Балтиморе», вы обезопасили свою жизнь, – задумчиво проронил Ардашев и, достав коробочку монпансье, отправил в рот голубую конфетку.

– Это почему? – наморщив лоб, осведомился банкир.

– Теперь вы были нужны ему живым. Он ждал, пока груз придёт в Роттердам и вы получите все документы. Оставалось лишь сесть вместе с вами на пароход и при удобном случае выкрасть документы на получение золота. Ему повезло с дирижаблем. Хотя я не могу исключить и того, что преступник смоделировал ситуацию с больным, которому требовалась срочная операция.

– Думаете, он его отравил?

– Не знаю. Теперь это уже не имеет для нас никакого значения.

Баркли завёл руки за спину и спросил:

– А если бы цеппелин не прилетел? Что тогда?

– Скорее всего, он отправил бы вас на тот свет ещё до прибытия парохода в Нью-Йорк. А потом бы без всяких проблем получил груз. Правда... – замылся Клим Пантелеевич.

– Что? Договаривайте! – нетерпеливо воскликнул американец.

– Я бы на его месте заодно прикончил бы и Войту, потому что он, как опытная гончая, шёл бы по следу преступника до тех пор, пока не поймал бы его. Меня ведь на «Роттердаме» не было.

– А как же Лилли и Эдгар?

– Морлок нашёл бы способ, как вселить в них страх и заставить молчать. Кстати, я не видел Эдгара на завтраке. Не мешало бы проверить, всё ли с ним в порядке.

Баркли махнул рукой.

– Проспал, наверное. Да и чего волноваться? Морлока на «Роттердаме» всё равно нет.

– Такие, как он, не любят проигрывать. Он ведь уже дважды пробовал его устранить. И где гарантия, что, находясь на пароходе, он не сделал третью попытку?

Американец расхохотался.

– И каким же образом? По беспроводному телеграфу? Сюда даже чайки не долетают.

– Видите ли, мистер Баркли, есть масса способов совершения убийств на расстоянии. Но не будем о плохом. Возможно, вы правы, но я тем не менее его проведу.

– В таком случае я составлю вам компанию.

– Отлично. По дороге прихватим и Войту.

– Нам надо спускаться по лестнице?

– Это в двух шагах.

– Господа! Доброе утро! – послышался знакомый голос. – Я вас ищу по всему пароходу.

– Доброе утро, Вацлав! – кивнул Ардашев.

– А мы только что к вам собрались, – улыбнулся Баркли. – Хотим навестить Эдгара.

– Признаться, я тоже к нему иду. Его не было на завтраке.

– Это меня и беспокоит, – вздохнул Клим Пантелеевич.

– Готов поспорить с каждым из вас на сто долларов, что мой помощник дрыхнет без задних ног. Он жив и здоров, – усмехнулся банкир.

²³ У каждого облака есть серебряная подкладка (*англ.*), соответствует русскому «нет худа без добра».

– Дай-то бог, – кивнул Войта. – Но удостовериться в этом нам не помешает, а спор бессмыслен.

Каюты второго класса располагались неподалёку. Комната Эдгара Сноу оказалась закрыта. На стук в дверь он не отзывался. Неожиданно показалась Лилли.

– Доброе утро! Я тоже не видела Эдгара со вчерашнего ужина.

– Как он перенёс шторм? – осведомился Клим Пантелеевич.

– Нормально.

– Смотрите! – воскликнул Войта, указывая на лужицу, появившуюся под дверью.

Заметив проходившего по коридору стюарда, Ардашев окликнул его:

– Послушайте, любезный! Можно вас на минуту?

– Да, сэр!

– В этой одноместной каюте находится наш друг. Его не было на завтраке, не появлялся он и на палубе. И вот, – Клим Пантелеевич указал на воду, растёкшуюся под дверью, – выясняется, что он не закрыл кран. На стук он не отвечает. Надо срочно раздобыть второй ключ.

– Да, сэр. Подождите. Я быстро.

Не прошло и двух минут, как щёлкнул английский замок, и дверь отворилась. Ардашев вошёл первым.

Эдгар Сноу в исподнем полусидел на полу, облокотившись спиной на разобранную кровать, напротив письменного стола. Его остекленевшие, широко раскрытые глаза уставились в стену. На лице, покрывшемся красными пятнами, запечатлелась гримаса смерти. Из правого угла рта и до самого пола тянулась уже слегка подсохшая кровавая струйка. Руки были раскинуты, точно крылья. Вокруг тела – рвотная масса. Из туалетной комнаты слышался шум бежавшей из крана воды, уже залившей пол.

– Господи! – вскрикнула Лилли.

– Он мёртв? – с дрожью в голосе спросил Баркли.

– Да, – кивнул Клим Пантелеевич. – И, пожалуй, зря я не поспорил с вами на двести долларов.

Американец в ужасе схватился обеими руками за голову и простонал:

– Как же это могло случиться?

– Думаю, скоро выясним.

– Шеф, я сбегаю за доктором? – осведомился Войта.

– Да, Вацлав, пригласите, но можете не особенно торопиться.

Ардашев обратился к стюарду:

– Я частный детектив и провожу расследование. В этой каюте совершено убийство. Срочно оповестите капитана.

– Есть, сэр!

– Господа, прошу не входить, пока я не осмотрю место происшествия, – изрёк сыщик и, пройдя в туалетную комнату, закрыл кран. В раковине валялся помазок, заткнувший ручкой сливное отверстие.

Под зеркалом на полочке, лежала безопасная бритва «Жиллет», мыльная палочка и железная коробочка с выдавленной надписью: «Colgate & Co. Shaving Sticks, New York, U.S.A.»²⁴. Тут же стоял и одеколон «Лилия Нила».

Ардашев вновь окинул взглядом кровать. Он поднял подушку и поднёс к глазам, затем легонько прикоснулся к груди ещё не остывшего трупа. Смерть, судя по всему, наступила совсем недавно. В данном случае не было необходимости ориентироваться по температуре тела покойного; достаточно было опустить глаза и представить, сколько должно было пройти времени, чтобы вода, хлеставшая из открытого крана, затопила пол. Минут пятнадцать, не больше.

²⁴ «Компания Колгейт и Ко. Мыльные палочки. Нью-Йорк, США» (англ.).

Обстановка в каюте царила спартанская. Одежда частью висела в шкафу, а частью лежала в открытом чемодане. Ни на столе, ни где бы то ни было ещё не было ни тарелок, ни столовых приборов. Да и бутылки тоже отсутствовали. Лишь пустой графин и стакан покоились на тумбочке. Возникло ощущение, что рвота была вызвана отравлением, но чем мог отравиться Эдгар Сноу, если он не выходил на завтрак и не употреблял пищу в каюте?

Неожиданно дверь открылась, на пороге возник уже знакомый капитан Ван Дейк и небольшого роста, весьма упитанный незнакомец лет сорока пяти, с заметной лысиной и мясистым носом. Синяя сорочка, тёмный галстук, костюм мышиного цвета и поношенные туфли со шнурками представляли весь его гардероб. В правой руке он держал саквояж из чёрной кожи. За ним стоял матрос.

– Труп? – спросил капитан.

– Как видите, – кивнул Ардашев.

– Разберитесь, доктор, – велел Ван Дейк.

– На вашем месте я бы не пренебрегал перчатками, – предостерег Клим Пантелеевич.

– А в чём дело? – задиристо справился судовой врач.

– Сдаётся мне, что господин Сноу был отравлен с помощью мыльной палочки, оставшейся лежать на полке.

– Надо же! – медикус покачал головой и выговорил раздражённо: – Уже и диагноз готов. Как же мне надоели дилетанты!

Не обращая внимания на резкость в свой адрес, частный детектив продолжал:

– Обратите внимание на его лицо. Оно покрыто пятнами, ставшими уже багровыми. Мне кажется, что злоумышленник сумел каким-то образом проникнуть в каюту Эдгара Сноу либо подкупил уборщика, поменявшего в футляре мыльную палочку. И сегодня утром Эдгар решил побриться. Он открыл воду, смочил кисточку и увлажнил кожу. Затем вынул из металлического футляра мыльную палочку и, держа её рукой за бумажный конец, стал водить по лицу, чтобы потом, как и положено, взбив помазком на лице мыльную пену, приступить к бритью. Вероятнее всего, эта фальшивая палочка, почти не содержащая мыльного раствора, очень плохо мылилась. И ему пришлось мазать ею лицо очень тщательно. Не могу исключить, что часть яда, из которого она состоит, попала ему в рот. Неожиданно Эдгару стало плохо. Его вырвало. В глазах помутнело, и он опустился на пол, облокотившись на кровать. Вскоре наступила смерть. Однако воля ваша, – пожал плечами Ардашев, – вы можете испытать судьбу и дотронуться до мыльной палочки или лица покойного голыми руками. Но в таком случае я не дам за вашу жизнь и цента.

Доктор застыл на месте в растерянности. Потом распахнул саквояж и принялся в нём рыться.

– У меня нет с собой перчаток, – залившись краской, пробубнил врач.

– Что значит «нет»? – недовольно осведомился капитан.

– То есть их нет в саквояже. А так они есть... в лазарете.

– Так ступайте за ними.

– Я сейчас, мигом, – пролепетал эскулап и исчез.

– А я пока составлю протокол осмотра места происшествия, – выговорил Ардашев и, обращаясь к капитану, спросил: – Надеюсь, вы заверите его судовой печатью?

– Безусловно. И, если надо, подпишу.

– Отлично. Врачу останется лишь составить протокол осмотра трупа. Его тоже надобно заверить печатью и затем передать полиции США.

Клим Пантелеевич сел за стол, вынул из бьюара лист веленовой бумаги и на английском языке, макая перо в чернильницу, принялся описывать обстановку и положение трупа. Минут

через пять работа была закончена. Промокнув текст клякспапиrom²⁵, частный детектив попросил Ван Дейка подписать протокол, и тот чиркнул пером.

Появился врач. Надев перчатки, он принялся обходить труп и что-то записывать карандашом в блокнот. Затем он вынул из кармана лупу и начал осматривать красные пятна на лице покойника. Сев за стол, медикус, то и дело вздыхая, составлял протокол осмотра. Наконец он поставил точку и, повернувшись к капитану, сказал:

– Пожалуй, можно начинать уборку.

– Приступайте, – распорядился Ван Дейк, и стюард, сев на корточки, начал собирать тряпкой воду.

– Позвольте, капитан, дать вам пару советов, – вымолвил частный детектив. – Несомненно, полиция Нью-Йорка начнёт расследование по факту отравления гражданина США Эдгара Сноу, в связи с чем я бы посоветовал вам поместить куда-нибудь, например в шляпную или обувную коробку, мыльную палочку, станок с лезвием и кисть для бритья. Пусть этим займётся судовой врач. Затем опечатайте содержимое. Что же касается протокола осмотра места происшествия и осмотра трупа, то не мне вам говорить, что они являются необходимым приложением к покойнику. Поверьте, американский детектив и эксперт будут очень вам благодарны.

– Благодарю вас, мистер Ардашев, – сухо кивнул Ван Дейк и добавил: – Не могу не заметить и тот факт, что именно после вашего появления на моём судне произошли два преступления: сначала кража, а теперь и убийство.

Клим Пантелеевич смерил капитана ледяным взглядом и проронил:

– Что вы хотите этим сказать?

Поняв, очевидно, свою ошибку, Ван Дейк пошёл на попятную:

– Наверное, я не совсем правильно выразился. Я отдаю себе отчёт в том, что и кража, и подмена мыльной палочки могли произойти ещё до вашего появления на «Роттердаме». Это, несомненно, так. Но у меня на языке вертится один и тот же волнующий меня вопрос: преступник в самом деле покинул пароход или он всё ещё здесь?

– Не знаю. – Клим Пантелеевич досадливо вздохнул. – Я даже не уверен, один ли он, или их несколько.

Капитан потёр лоб и сказал:

– И на том спасибо. Утешили. Ладно. Спасибо за совет. Вы свободны.

– Честь имею!

Ардашев вышел в коридор. Баркли был один.

– А где Вацлав?

– С Лилли приключилась истерика, и я попросил его отвести её в каюту. Пожалуй, поднимемся на палубу?

– Да, не мешало бы.

Когда свежий морской ветер принялся надувать парусами сорочки и брюки собеседников, Баркли изрёк:

– Я слышал ваш разговор с капитаном, включая последний ответ. Вы сказали, что не знаете, на судне Морлок или нет.

– Это так.

Банкир закурил сигару. Выпустив дым, произнёс:

– Надо же, какой мерзавец! Дважды пытался Эдгара прикончить и всё-таки сумел. А мне что же теперь, не бриться? У меня тоже есть мыльные палочки. И зубная паста. Зубы теперь тоже не чистить?

– Выбросьте всё и купите на пароходе новые принадлежности. Попрошу вас поступить так же и с косметикой Лилли Флетчер. Кто знает, кому и что он подменил? Могу предполо-

²⁵ Промокательная бумага (устар.).

жить, что Морлок окончил химический факультет, поскольку прекрасно разбирается в ядовитых снадобьях.

– Химический?

– Да, а что вас смущает?

– Нет, ничего. Просто так, вспомнил кое-что, но это не имеет отношения к делу.

– Мне иногда кажется, что вы со мной недостаточно откровенны в вопросах, которые могут иметь значение для поиска злоумышленника.

Баркли отвёл взгляд, облизал сухие губы, затем прокашлялся и сказал:

– Вы зря во мне сомневаетесь. Просто теперь, после убийства Эдгара, я очень волнуюсь за сына. Морлок оценил его жизнь в двадцать грэндов.

– Я уже говорил вам, что до нашего прибытия в Нью-Йорк за него можно не волноваться. Там, на месте, события могут развиваться совершенно непредсказуемым образом. Но я не люблю гадать. Я уверен в том, что впереди нас ждут серьёзные испытания. Если у вас нет вопросов, то предлагаю на этом закончить нашу беседу. Мне надобно побыть в одиночестве и поразмышлять. Вы уж не обессудьте.

– Нет-нет, что вы! Я прекрасно вас понимаю. И не смею мешать. Буду в баре. Помянем Эдгара. Вы тоже приходите.

– Непременно.

Дождавшись, когда банкир удалился, Клим Пантелеевич вернулся к каютам второго класса и постучал в дверь Лилли. Замок щёлкнул, и на пороге появилась американка с заплаканными глазами. Вацлава в комнате уже не было.

– Позволите?

– Входите.

– А где Вацлав?

– Я попросила мистера Войту оставить меня одну. – Она подняла глаза и добавила: – Откровенно говоря, я не очень расположена к беседе.

– Я вас понимаю. Позволите мне сесть?

– Прошу, – она указала рукой на кресло. – Я вас слушаю.

– У меня всего один вопрос: где вы провели сегодняшнюю ночь?

– Что значит «где»? – переспросила Лилли и недовольно повела плечами.

– То и значит – «где».

– Вы не вправе задавать мне подобные вопросы.

– Как раз наоборот. Если вы откажетесь отвечать, я приглашу сюда мистера Баркли, и вы всё равно расскажете, но уже в его присутствии.

– Это важно?

– Да.

– Я была у себя. Спала, – ответила она, присаживаясь на угол кровати.

– Это неправда.

– Но, если вы знаете ответ на свой вопрос, зачем вы его мне задаёте?

– Давайте обойдёмся без рассуждений. Итак, где вы были прошедшей ночью?

– У Эдгара, – выдохнула Лилли.

– То есть вы провели ночь в постели Эдгара Сноу, верно?

– Допустим. Но я не имею никакого отношения к его убийству. Я ушла рано утром, когда он ещё спал.

– В котором часу?

– Около пяти. Но, – она поднялась с кровати, – надеюсь, вы не считаете, что Морлок – это я?

Ардашев не ответил, а лишь спросил:

– Как давно вы находитесь с ним в интимных отношениях?

– С минувшей ночи. Какие ещё будут вопросы?

– Пока никаких.

– Отчего же?

– Мне и так всё ясно.

– Всё? – вскинув руки, воскликнула она. – Неужели вам неинтересно, почему я совратила этого перезревшего девственника?

Клим Пантелеевич поднялся.

– Нет.

– А я вам скажу, и мне не важно, будете вы меня слушать или нет. Хотели откровенность? Так получите! – Лилли подошла к двери, оперлась на неё спиной и, глядя в лицо частному детективу, выговорила с негодованием: – Вы, мужчины, превратили любовь в инструмент порочного наслаждения. Вам нравится добиваться близости с женщиной, а потом обходиться с ней как с самкой. Мужчинами управляет похоть. Они льстят себя мыслями, что им доступна любая женщина. В молодости им хватает собственной обходительности и внешности, чтобы разбить сердце любой юной даме, а в старости они добиваются того же самого, но только с помощью денег. Мои слова относятся к тому типу самцов, которые думают лишь об удовлетворении собственной страсти. Таковых – большинство. А Эдгар – другой. Вернее, был другой. Он был девственник. И я видела, как у него кружилась голова от аромата моих духов. Я не сомневалась в том, что он мечтал о близости со мной, но его религиозные запреты стояли выше соблазнов. И за это я его уважала. Он потом сказал мне, что я снилась чуть ли не каждую ночь. Вчера я решила подарить ему то, о чём он грезил. Он был искренен и ласков, тактичен и благороден. Я растопила лёд его чувств. И да, я сладострастница, наслаждавшаяся его неумелостью и в то же время его бесконечной мужской силой, которая так долго была заперта в неволе.

Лилли замолчала и опустила глаза. Потом взяла Ардашева за руку и, взглянув на него, пролепетала:

– Оставайтесь. Прошу вас. Только не уходите. Мне так страшно!

– Думаю, вам ничего не угрожает. Однако я бы посоветовал вам выбросить губную помаду и другую косметику, в которую Морлок мог подмешать яд. Купите новую. На пароходе вполне приличные магазины. – Он отнял руку и добавил: – Я, пожалуй, пойду. Вы не волнуйтесь. Мистер Баркли ничего не узнает.

– Какой же вы недотрога! – вспыхнула Лилли. – У вас есть любимая женщина?

– Да, – улыбнулся Клим Пантелеевич, – это моя жена.

– Она красивая? Она молода?

– Она мне нравится.

– Тогда у меня к вам всего один вопрос: как вы узнали, что я была у Эдгара?

– Всё очень банально: на подушке отпечаталась ваша губная помада, а на кровати остался ваш волос.

Она вздохнула и, открыв дверь, произнесла:

– Вы частный детектив, и этим всё сказано. Больше вас не задерживаю.

– Мистер Баркли пригласил всех в бар помянуть Эдгара. Приходите.

– Нет, я останусь в каюте.

Клим Пантелеевич зашагал по коридору. Позади хлопнула дверь. Он поднялся на прогулочную палубу и повернулся к океану, пытаясь осмыслить произошедшее. Смерть притаилась рядом и теперь ухватила своими когтистыми лапами Эдгара. И он не сумел его уберечь. Лилли была с ним перед самой смертью. И вполне могла подменить мыльную палочку. Возможно, она связана с Морлоком? Или нет? Или она сама Морлок? Как быть дальше? Требовалось выстроить очерёдность действий после прибытия в Новый Свет. Любая ошибка может привести не только к потере золота, фактически украденного у русского народа большевиками, но и к следующей смерти. Морлок оказался опаснее и умнее большевистского ликвидатора, почившего в

Праге, и его куратора – агента Региструпра, погребённого в какой-нибудь безымянной могиле роттердамского кладбища. Приходится признавать, что американский преступник теперь не просто жалкий шантажист и вымогатель, а вполне самостоятельная фигура в шахматной партии, разыгранной большевиками с конфискованными у российского народа ценностями. Нет никакого сомнения в том, что «Балтимор» – пробный шар советодержавия. За ним пойдут другие транспортные суда с золотом, вывезенным на подводах из церквей и найденным в перинах, подушках икладах у так называемых классовых врагов. Его переплавят в слитки ещё в России и поставят на них иностранные клейма. Потом, отправив контрабандой через Таллин в Стокгольм, вновь переплавят и пометят уже новым клеймом. Затем продадут через Берлинскую биржу американцам. Пароход повезёт груз из Стокгольма в Нью-Йорк. Петроград – Таллин – Стокгольм – Нью-Йорк – маршрут, по которому один за другим пойдут «золотые караваны», получая взамен не пшеницу и муку, а винтовки, пулемёты, автомобили и паровозы, необходимые советскому режиму для захвата новых территорий. В газетах писали, что во многих российских губерниях уже начался страшный голод, спровоцированный политикой военного коммунизма Ленина и Троцкого, но что значит для них народ в стремлении сохранить власть любой ценой?

Мысли опять возвратились к убийству Эдгара, но вдруг взгляд Ардашева привлекла чёрная точка. Она росла и превратилась в гигантского кита, подплывшего к пароходу. Его длинная чёрная спина то возникала над волнами, пуская фонтанчики, то вновь уходила под воду. Самое большое морское млекопитающее с интересом рассматривало «Роттердам». Пассажиры высыпали на палубу, кричали, передавали друг другу бинокли и щёлкали затворами фотоаппаратов. Кит исчез так же внезапно, как и появился. «Видно, ему наскучили мелкие двуногие существа, взобравшиеся на брюхо непонятного чудовища, извергающего чёрный, пачкающий небо дым», – усмехнулся Клим Пантелеевич, достал новую конфетку ландрина и продолжил размышлять.

Глава 5

Инициация

Церемония посвящения Энтони Кавалли в *combinato*²⁶ проходила в помещении модного магазина, расположенного в Верхнем Ист-Сайде – районе, который контролировала принимающая его «семья» Моретти. Энтони сопровождал молчаливый незнакомый ему человек. Они прошли в склад, а потом спустились в небольшой полуподвал, где под самым потолком тускло светила лампа. Старая, выдавшая виды мебель состояла из стола, шести стульев и буфета, на полке которого высились иконы и горела свеча. Двое незнакомцев – свидетели церемонии – сразу же поднялись со стульев, как только в комнату вошёл посвящающий капо – Сумасшедший Чарли, бывший в миру Чезаре Конторно.

Став напротив Энтони, он провещал:

– Америка, куда волею Господа занесла нас судьба, не благосклонна ни к вдовам, ни к сиротам, поэтому *cosca* Моретти взяла на себя обязательство по защите всех членов «семьи», которые оказываются в трудном положении. «Люди чести» делают всё возможное, чтобы покончить с несправедливостью жестокого мира, защитить слабых и протянуть руку нуждающимся. Не все достойны присоединиться к клану и стать «человеком чести». Но Энтони Кавалли заслужил это право, и сегодня он станет одним из нас. – Он сделал паузу и, глядя в лицо новичку, сказал: – Но прежде чем мы перейдём к обряду посвящения, я хочу спросить тебя ещё раз: готов ли ты перед лицом творящегося беззакония стать на защиту «семьи»?

– Да, мистер Конторно.

– Готов ли ты пожертвовать жизнью ради «семьи» Моретти?

– Да, мистер Конторно.

– Готов ли ты соблюдать омерту – кодекс молчания, чести и поведения – в отношении тайн нашего клана даже перед угрозой заточения или смерти?

– Готов.

– Готов ли ты принять смерть в случае нарушения своих слов?

– Да, готов.

Посвящающий кивнул свидетелю. Тот взял иголку, лежавшую на блюдце, подержал её над пламенем свечи и попросил новообращённого протянуть руку. Энтони повинился, и незнакомец уколол иглой его указательный палец так сильно, что из него брызнула кровь на подставленный тут же бумажный образок. Свидетель поджёг иконку пламенем свечи и положил её в ладонь Энтони.

– Перекидывай её из ладони в ладонь и повторяй за мной, – велел второй свидетель и стал вещать: – Пусть сгорит моя плоть, как сгорает этот образ, если я нарушу данную мною клятву. Я клянусь, что никогда не предаю ни одного «человека чести» из «семьи». Клянусь также, что не посягну на жену «человека чести», как и не совершу кражу у «братьев своих»...

Когда образок почти превратился в пепел, он аккуратно положил его на блюдце, и неофита провели в другую комнату, вход в которую был закрыт шторами. И уже там посвящающий наедине поведал Энтони о правилах поведения в «семье» и о её структуре. В конце беседы он протянул ему конверт и сказал:

– Тут шесть сотен. Триста – месячное жалованье, и столько же – премия за удачную работу.

Кавалли склонил голову и проронил:

– Благодарю, мистер Конторно.

²⁶ На языке мафии – «человек чести» (*итал.*).

– С завтрашнего дня отправишься на поиски одного америкашки. У него «Рено» с тремя последними цифрами 638. – Он протянул лист бумаги и добавил: – Как отыщешь – проследи за ним, запомни, где он живёт и работает, а потом притащи его к нам. Ясно?

– Да, мистер Конторно.

– Поздравляю! Ты теперь один из нас! – улыбнувшись, проговорил Сумасшедший Чарли и похлопал Энтони по плечу. – Будешь под моим началом. А сейчас иди погуляй, развлекись. Ok, buon divertimento!²⁷

– A domain²⁸, мистер Конторно!

Покинув полутёмное, пахнущее жжёной бумагой и горящей свечой помещение, Энтони вздохнул широкой грудью. Да! Полными лёгкими! Когда у тебя в кармане завелись деньжата, то и дышится легче! А женщины? Они будто слышат шелест купюр в бумажнике и смотрят на тебя как на какую-нибудь голливудскую звезду, пусть даже и второго сорта! Но как приятно, чёрт возьми, купить дорогую кубинскую Cifuentes и, откусив кончик, небрежно сплюнуть, а потом чиркнуть зажигалкой и выпустить первую струю ароматного дыма. Это вам не вынутая из кармана мягкая пачка Lucky Strike... И неважно, что правительство ввело *prohibition*. Бог с ним! Каждый знает, где можно опрокинуть стаканчик-другой настоящего Jack Daniel's²⁹ или великолепного ржаного Red Top³⁰. «Шестьсот гринов! – улыбнулся про себя Энтони. – И всё это за то, что удалось пришить какого-то старого борова! Господи, если бы мне платили столько за каждого приконченного немца в сентябре 1918 под французским Сен-Миелем, я бы был миллионером! Santa Maria, madre di Dio, prega per noi peccatori!»³¹

Молодой человек двадцати трёх лет, среднего роста, с тёмными, слегка вьющимися волосами, выглядывавшими из-под кепки, беззаботно шагал по Пятой авеню, ещё не зная, какие испытания судьба приготовила ему в ближайшее время. «Война закончилась, но мысленно я всё время возвращаясь назад, в окопы. Верно говорил капрал, что в жизни ты можешь быть кем угодно и только на войне ты становишься самим собой. Господь уберёт меня от смерти в жестоких боях, но смилостивится ли он надо мной теперь? – мысленно рассуждал Энтони Кавалли. – А разве государство лучше „семьи“? Разве оно не причиняет своим гражданам зла? И кто, если не государство, послал меня на фронт убивать себе подобных? А как оно отблагодарило меня? Поместили моё фото в „Нью-Йорк таймс“, когда я притащил в окопы немецкого генерала? Ладно, напечатали, и всё? Даже отпуск не дали. Представили к награде, но бумаги, отосланные командирами, где-то затерялись. А сейчас, когда я вернулся с фронта, правительство оставило меня безработным». Бывший рядовой усмехнулся: «Эти чиновники с откормленными мордами, в строгих пиджаках и с американским флагом на стенах будто кричали, издеваясь: „Эй, Тони, малыш, скажи спасибо, что живой! Выкручивайся сам!“ Я и выкрутился, ублюдки. Так что теперь не обессудьте».

²⁷ Отлично тебе провести время! (*итал.*).

²⁸ До завтра! (*итал.*).

²⁹ Сорт американского виски.

³⁰ Сорт шотландского виски.

³¹ Святая Мария, Матерь Божья, помолись за нас, грешников (*итал.*).

Глава 6

Млечный Путь

Когда зажглись мириады звёзд, словно высыпанные кем-то на ночной небосвод из мешка, Ардашев вышел на прогулочную палубу. Он был не одинок. Пассажиры любовались небесными светилами, нависшими над океаном. Некоторые сидели в раскладных креслах, курили и пили напитки, разносимые стюардами. Неожиданно до него донёлся знакомый голос:

– Как вы думаете, мистер Войта, почему звёзды так отчётливо видны только в океане? Небо ведь везде одинаковое, и в Европе, и в Америке, но такой красоты там не увидишь.

– Не знаю. Уверен, что мой шеф смог бы легко ответить на этот вопрос. Он настоящая ходячая энциклопедия.

– Благодарю, Вацлав, за добрые слова, – проронил Ардашев. – Действительно, над океаном звёзды видны лучше из-за отсутствия в воздухе частиц пыли, которые всегда висят над землёй и мешают глазам. Здесь даже Млечный Путь настолько отчётливо просматривается, что кажется дорóгой в иное измерение.

– О! Шеф! Как хорошо, что вы здесь! Садитесь. Вот свободное кресло.

– Благодарю, – уминаясь рядом, проговорил частный сыщик.

– Виски не хотите? – предложил Баркли. – У нас тут целая бутылка, и мы никак не можем её одолеть. После смерти Эдгара совсем пропало настроение.

– Пожалуй, не откажусь.

Банкир отдал распоряжение стюарду, и на столике появился ещё один стакан. Баркли пригубил виски и выговорил задумчиво:

– Слава богу, на пароходе действуют законы Нидерландов. Я понять не могу, чего добились эти воинствующие северные и южные баптисты, методисты, пресвитериане Новой школы и католики, утверждающие, что употребление спиртного – грех?

– Согласен с вами, полная глупость, – кивнул Клим Пантелеевич.

Неожиданно на пароходе завыл ревун.

– Что это? – всполошился Войта.

– Сирена. Стало быть, навстречу по курсу идёт какое-то судно, – объяснил Баркли.

– Вы правы, – подтвердил Ардашев. – Совсем скоро нас накроет туман из-за того, что через час или два «Роттердам» войдёт в полосу тёплого течения Гольфстрим. Туманы в этих водах пропадают только летом, когда очень жарко. А в теперешнюю осеннюю пору они просто властвуют над океаном. И наши жизни будут полностью зависеть от внимания вахтенных офицеров и матросов, потому что этот район – излюбленное место айсбергов.

– А вон и первый! Смотрите! Он точно огромный парус! Видите? – воскликнул банкир.

– Да, он попал в луч прожектора. Какая махина! – восхитился Войта. – И это только на поверхности. А что там находится под водой? Целая ледяная гора вершиной вниз?

– Надеюсь, мы не повторим судьбу «Титаника», – прокашлял миллионер.

– Мистер Баркли, пользуясь случаем, я хотел бы обсудить наши дальнейшие действия по прибытии в Нью-Йорк. Не возражаете?

– С огромным удовольствием, мистер Ардашев.

– У вас есть адрес Крафта в Стокгольме и координаты брокера Берлинской биржи?

– Они имеются у Лилли и были у покойного Эдгара. А зачем они вам?

– По прибытии в Нью-Йорк будет необходимо отправить туда телеграммы с просьбой выслать копии контрактов на груз, заверенные нотариально. Без них нам будет трудно доказать ваше право на золото, даже с учётом наличия страхового полиса на предъявителя груза.

– Вы предлагаете обратиться в суд Нью-Йорка?

– Нет, для начала мы придём на таможенную и предъявим документы, подтверждающие право на карго. И, если они нам откажут, только тогда будет иметь смысл адресоваться с иском в суд и одновременно обратиться в полицию с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении Морлока.

– Думаете, у него хватит наглости явиться в судебное заседание? – поднял бровь Баркли.

– Нет, он не настолько глуп. Скорее всего, он будет действовать через представителя. Однако если полиция возбудит уголовное дело не только по факту кражи документов, но и по совершённым им убийствам, то его юриста обязательно допросят в полиции.

– После чего злоумышленник бросится в бега, – вставил своё замечание Войта.

– Совершенно верно, Вацлав. В таком случае мы попытаемся добиться его розыска сначала на территории штата, а потом и всей страны.

– Золото к тому времени наверняка арестуют и опечатают до вступления в силу судебного решения по нашему иску, – не удержался бывший пражский полицейский.

– И вы опять правы, старина. Надеюсь, оно будет в нашу пользу.

– Прекрасная стратегия! – восхитился американец.

– Это всего лишь первоначальный план, который может быть изменён в зависимости от обстоятельств, – заключил Клим Пантелеевич.

Послышался резкий вой новой корабельной сирены. В ночное небо взмыла ракета. Со встречного судна почти тотчас же взлетела другая.

– Что это? – забеспокоился Войта.

– Где-то прямо по курсу идёт ещё один пароход. И он, и мы обменялись сигнальными ракетами, установив местонахождение друг друга. Эти координаты, включая время запуска ракет, будут отражены в судовых журналах. И в случае кораблекрушения одного из пароходов место бедствия будет отыскать гораздо проще, принимая во внимание скорость следования корабля.

– Даст бог нам это не понадобится.

– Я тоже в это верю, дружище, – улыбнулся Ардашев и поднялся. – Спасибо за компанию, но мне пора спать. Да и ревуны не так слышны в каюте, как на прогулочной палубе.

– А мы с вашим помощником ещё посидим. Уходить с недопитой бутылкой – плохая примета, – вымолвил Баркли, разливая по стаканам остатки виски.

– Доброй ночи, шеф!

– Всё самое важное начнёт происходить через сутки-двое. В ближайшее время мы узнаем, какие сюрпризы приготовил нам преступник в Штатах. Доброй ночи!

Глядя на мириады звёзд, нависших над океаном, Ардашев пытался отыскать Большую Медведицу, но её не было видно. Звёзды всё так же низко висели над океаном, и слышался плеск волн, разрезаемых железным корпусом судна. А где-то в самом его чреве, в кочегарном отделении, царил настоящий ад. Тонны угля летели в топки, чтобы привести в действие паровую турбину, вращающую гребной винт. Преодолевая шторма, океанские течения и опасную близость плавающих ледяных гор, «Роттердам» держал курс на Нью-Йорк.

Глава 7

В полиции Нью-Йорка

Лейтенант Фрэнк Нельсон и детектив Джеймс Райт только что вышли с совещания. Детектив держал в руках папку с тесёмками, присланную из управления полиции Праги по делу об убийстве гражданина США Алана Перкинса. Идя по коридору, лейтенант предложил:

– Пойдём ко мне, Джим, обсудим, что делать с этим всяком. У меня и кофе найдётся.

– С удовольствием, Фрэнки.

Разлив по чашкам ароматный напиток, Нельсон сказал:

– Баркли... Баркли... банкир. Где-то я уже о нём что-то слышал. Не припоминаешь?

– Нет.

– По-моему, газеты уже о нём что-то писали, – глядя в потолок, задумчиво выговорил лейтенант. – Но что? Не могу вспомнить. Хотя, возможно, и не о нём... Придётся вызывать на допрос этот денежный мешок. Наверняка припрётся с адвокатом.

– Всех притащим. И его помощника, и секретаря, – согласился детектив. – Полистав папку, он добавил: – Слава богу, наши деятели догадались перевести материалы с чешского. Оказывается, перед смертью Перкинса преступник пытался отравить и банкира. Его еле выхостили в местной больнице. Судя по заключению чехословацкого эксперта, в алкоголе обнаружена лошадиная доза сульфата морфия.

– Одного понять не могу, почему они не попытались расследовать попытку убийства Джозефа Баркли сразу. Возможно, тогда не было бы и второго отравления Алана Перкинса порошком калифорнийских цветов от паразитов.

– Да кто его знает, что в голове у этих европейских полицейских. Скорее всего, они решили поскорее отвязаться от этого дела и послали его нам, – закуривая «Лаки страйк», предположил детектив Райт.

– Думаешь, убийца привёз эту дрянь из Штатов? – сделав глоток кофе, спросил лейтенант.

– А почему нет? Он один из них. Либо секретарь, либо помощник Эдгар Сноу. Хотя в рапорте упоминается некий Морлок – злодей, угрожавший банкиру ещё в Нью-Йорке. Согласно показаниям самого Баркли, этот парень обещал прикончить всю эту компашку на расстоянии, то есть из Штатов.

– Ну да! Перелетел Атлантику на дирижабле, отравил Перкинса и обратно? – засмеялся Нельсон. – Ставлю сто против одного, что весь этот бред придумал либо Эдгар Сноу, либо эта девка Флетчер.

– А потом эту сказку внушили миллионеру?

– Иначе и быть не может. А какого беса они потащились в Европу?

– То ли банкир хотел купить французские самолёты, то ли кредит получить. Я так и не понял. Давай вызовем их, допросим, и пусть сами всё расскажут.

Лейтенант взял со стола толстый справочник «Жёлтые страницы» и начал листать.

– Ага. Нашёл. Нью-Йоркский офис San Francisco JBanks.

– Телефонируй.

Нельсон снял трубку, набрал для вызова оператора 0 и, услышав голос телефонистки, сказал:

– FGH 4872.

После установки соединения произнёс:

– Это JBanks?

– Да, сэр.

- Мне нужен мистер Баркли.
- А кто его спрашивает?
- Лейтенант Фрэнк Нельсон.
- Мужской голос прокашлялся и спросил неуверенно:
- А по какому вопросу?
- Что значит «по какому вопросу»? – рассвирепел полицейский. – Офис находится, как указано в справочнике? На Мэдисон-авеню?
- Да, сэр.
- Тогда я сейчас к тебе пришлю полицейских, и ты, телефонная задница, будешь отвечать на мои вопросы, сидя напротив. Ты этого хочешь? – сердито откинув голову назад, спросил лейтенант.
- Нет, сэр, – жалобно пропищал собеседник.
- То-то же. Тогда отвечай, где твой босс?
- Он в отъезде. В Европе. Прислал телеграмму. Прибывает завтра рейсом Роттердам – Нью-Йорк. Время – 12.00. Что мне ему передать?
- Пусть свяжется со мной. Запиши телефон.
- Диктуйте, сэр.
- KLM 3840. Лейтенант Фрэнк Нельсон, начальник отдела по расследованию убийств в Западном округе. Веду дело по убийству Алана Перкинса.
- Алана убили? – прошептал вопрос секретарь.
- Прикончили в Праге. Видно, он, как и ты, задавал много вопросов, – рявкнул полицейский и повесил трубку.
- Что там? – осведомился детектив.
- Преподавал уроки вежливости и послушания.
- Нужное дело.
- Сейчас, наверное, этот Баркли развлекается на пароходе. Хлыщет виски. – Он почесал нос и добавил: – У них там никакого сухого закона нет. Живут же люди!
- А что с угнанным Ригсе-Аггю. Не объявился?
- Нашли. В Бронксе. Местная шпана успела снять с автомобиля всё что можно. Даже колёса.
- Отпечатков на дверных ручках и руле не осталось?
- Нельсон досадливо покачал головой.
- Странно.
- Что странно?
- С одной стороны, киллер действовал вроде бы грамотно: стрелял точно, продырявил только Мэтью Хилла и проститутки не пострадали. А с другой – автомобиль не сжёг, бросил.
- А чего ему опасаться? Наверняка был в перчатках. К тому же хулиганё так полазило по машине, что в ней можно было не только найти сотню разных «пальчиков», но и брать анализы на паразитов. Какой-то засранец наложил кучу прямо на водительское сиденье. Хозяин, бедолага, чуть не плакал.
- Это Бронкс, – пожал плечами детектив, затем глянул на часы и сказал: – Пойду к себе. Много дел. Хоть бы к вечеру управиться.
- Оставишь материалы на пару часов?
- Без проблем. До завтра, Фрэнки.
- Пока, Джим.
- Лейтенант Нельсон открыл папку и углубился в чтение. Примерно через час, когда желудок напомнил, что пришло время обеда, он перевернул последнюю страницу. Здесь он нашёл конверт, в котором и лежал тот самый злополучный пустой пакетик порошка калифорнийских

цветов от паразитов, найденный в комнате покойного Алана Перкинса. Рассмотрев его через лупу, он пришёл к выводу, что Морлок и Лилли Флетчер – одно лицо.

Глава 8

В песках Мохаве и барханах Эн-Нуба³²

I

Из широких труб парохода клубился густой чёрный дым. На голубом небе он обретал разнообразные формы, от спирали до облака. Господствовал штиль, и океан казался вылитым из стекла, настолько он был тих и безмятежен.

Прогулочная палуба пассажиров второго класса после завтрака обычно была уже прибрана матросами, которые всегда находили себе работу с самого раннего утра: подвязывали такелаж, убрали лишнюю оснастку, мешавшую прогулкам вояжёров (среди них преобладали коммерсанты средней руки) или представителей торговых компаний, ищущих новые рынки сбыта по обе стороны океана. Женщин было не так много, большей частью замужние дамы, путешествующие с семьёй.

Ровно в полдень штурман определял секстантом местоположение «Роттердама», после чего прикалывал маленький картонный пароходик в нужное место на огромной карте Атлантического океана, висевшей при входе в ресторан первого и второго классов. Обычно рядом с ней собирались мужчины, хваставшие друг перед другом своими познаниями в мореходном деле. Клерки и чиновники, так и не ставшие моряками, теперь щеголяли рассказами о морских катастрофах, таинственных островах и неизвестных человечеству чудовищах, обитавших на бездонной океанской глубине.

Надо отметить, что из-за работы паровой турбины пароход, даже в тихую погоду, хоть и шёл вперёд, рассекая острым носом волны, но всё равно слегка покачивался, что приводило к неуверенной походке тех, кто был склонен мерить шагами палубное пространство. Многие предпочитали, укутавшись в плед, проводить время в раскладном кресле с книгой или, любуясь океаном, дегустировать напитки, предлагаемые стюардами за дополнительную плату.

Самые жизнерадостные и выносливые путешественники, среди которых было и немало дам, развлекались играми. Одни бросали толстые верёвочные кольца на деревянные штыри, установленные на специальной доске, с написанными на них очками. Другие с помощью ключек пускали по палубе деревянные шайбы в расчерченный мелом прямоугольник с цифрами так, чтобы выбить шайбу соперника за его пределы, а самому попасть в клетку с большей цифрой.

Бывший статский советник сидел в кресле, подняв воротник пальто и надвинув на глаза шляпу. Со стороны могло показаться, что Клим Пантелеевич дремал, хотя на самом деле он наслаждался панорамой океана и очередной конфеткой фабрики «Георг Ландрин».

– Доброе утро, мистер Ардашев, – раздался знакомый голос.

Частный сыщик повернул голову и сказал:

– Я тоже надеюсь, что оно будет для нас добрым. Садитесь, мистер Баркли. Леденцы не предлагаю, зная, что вы их не терпите.

– Ваша правда, – пробасил американец и расположился в соседнем кресле, дав знак стюарду, чтобы ему принесли плед. – Не переносу ни леденцы, ни жевательную резинку. Я вновь принёс вам отвратную новость: Лилли Флетчер только мне сказала, что уволится сразу, как только мы прибудем в Нью-Йорк.

– То есть завтра?

³² Арабское название Нубийской пустыни.

– Выходит, так.

– Причину назвала?

– Говорит, что боится.

– Резонно. Она ведь единственная оставшаяся в живых ваша подчинённая, отправившаяся в Европу.

– Для женщины я ей неплохо плачу. Где ещё она найдёт такое высокое жалованье? Откровенно говоря, мне жаль с ней расставаться. Красавица, конечно, но передо мною строит из себя недотрогу. А что у неё в голове – одному Богу известно. Подобные дамы самые опасные в смысле женитьбы. Выкидывают такие коленца, что о-го-го! Я по своей Марго сужу.

– Все люди разные. Тут пол неважен.

– Не скажите, – закуривая «Упман», вымолвил банкир. – Чем баба красивее, тем она стержнее, потому что видит, как на неё наш брат заглядывается. У неё в мозгах одно: как бы не продешевить, как бы урвать ухажёра побогаче, да с хорошим приданым. Да и родители учат её этому с детства. – Он улыбнулся. – Нет, есть, конечно, дурёхи, которые гонятся за молодыми и красивыми голодранцами. Только, согласившись пойти с ними под венец, по происшествии нескольких лет они начинают этих молодцов поедом есть за их бедность. Мол, недотёпа, лентяй и неудачник. Зачем я, простодушная, с тобой только связалась?! Тут вам и драма, и самая настоящая трагедия. Разве я не прав?

– Наверное, большей частью правы. Только пройдёт несколько десятков лет, и всё изменится. И случится это, когда женщины обретут настоящие, а не декларативные права наравне с мужчинами. Дамская психология изменится, потому что все леди станут самодостаточными.

– Мы с вами почти ровесники и уж точно до этого времени не доживём, – покачал головой Баркли. – Лет сто должно пройти, не меньше.

– Скажите, а мисс Флетчер сама к вам пришла и заявила об увольнении?

– Нет. Это была моя инициатива с ней встретиться. После нашего вчерашнего разговора я решил попросить Лилли подготовить все данные фирмы господина Крафта в Стокгольме и брокера Берлинской биржи, проводившего сделку по покупке золота. Постучал к ней в каюту. Она вышла, выслушала меня, сказала, что волноваться не стоит: все адреса есть в стенографических отчётах и в черновых записях по сделке... А потом помолчала и выдала новость об увольнении. Я, признаться, оторопел... И сразу к вам. У вас дверь закрыта, вот я и поднялся на палубу.

– Уволиться она может, но совсем потерять с нами связь у неё не получится.

– Да? – удивлённо вскинул бровь Баркли и выпустил дым.

– Мисс Флетчер – важный свидетель по покушению на вас и Эдгара Сноу в Голландии, а также по убийству Алана Перкинса в Праге и Эдгара Сноу уже здесь, на пароходе. Да и в Берлине тоже. Помните судью из Кёльна, отца шестерых детей, отравленного из солонки?

– Да-да, вы правы. Я совсем забыл об этом несчастном пруссаке.

– К тому же уход Лилли не обеспечит её безопасности, хотя бы потому, что Морлок может и не знать, что она уволилась. А если даже ему станет это известно, разве он не попытается сыграть на вашей жалости к ней?

– Безусловно, – согласился Баркли и набросил на плечи принесённый стюардом плед.

– Но давайте вернёмся к вашему вопросу инспектором уголовной полиции в Роттердаме. Помните?

– О да! Припоминаю.

– О чём он вас спрашивал?

Наморщив лоб, американец произнёс:

– О восьмиугольной памятной золотой монете в пятьдесят долларов, выпущенной к всемирной выставке «Панама-Пасифик» пять лет тому назад. Её нашёл кондуктор в тамбуре, откуда вытолкнули Эдгара. Он спросил, не моя ли монета. Нет, не моя. Моя – дома, в пись-

менном столе. Я уже говорил вам, что в 1915 году, в год проведения выставки, я купил банк и назвал его в честь себя San Francisco JBank, то есть банк JBank – Банк Джозефа Баркли (Joseph Barkley). Я приобрёл пять памятных монет и подарил их членам правления.

– Они и сейчас в него входят?

– Их осталось четверо. Пятый – мой компаньон и хороший друг Морган Локхид – исчез.

– Умер?

– Нет, пропал.

– Признан безвестно отсутствующим?

Американец покачал головой.

– Ещё не вышел срок, в течение которого его могут признать безвестно отсутствующим.

К тому же этот период дважды прерывался. Первый раз я получил от него телеграмму из Лас-Вегаса – маленького городка в Неваде – о том, что он берёт отпуск на полгода в связи с продолжением путешествий. А вторую, ещё через полгода, он прислал жене из Мексики. Она мне её показывала. Текст состоял из трёх предложений. Я запомнил его наизусть: «Дорогая, я жив и здоров. Скоро вернусь. Не волнуйся».

– Странно.

– Более чем. Я уже думал, что он попал в мексиканскую тюрьму. Мой адвокат послал туда запрос. Оказалось, что и там его нет.

– А сколько ему принадлежало акций?

– Раньше он имел тридцать пять процентов.

– Прилично!

– Больше было только у меня – пятьдесят два.

– Дивиденды по ним выплачивались?

– Они перечислялись на его счёт до конца 1915 года. А в конце года на общем собрании акционеры приняли решение об увеличении уставного капитала в десять раз. Локхид на собрании по понятным причинам не было, хотя мы уведомили его по месту проживания. Но что толку? Жена Моргана правопреемницей не являлась, поскольку он не числился ни погибшим, ни пропавшим. Соответственно, его доля уменьшилась до трёх с половиной процентов. – Баркли пожал плечами. – А что было делать? Бизнес должен развиваться. Он не может зависеть от прихотей одного человека. Я не удивлюсь, если окажется, что Мо подался в какой-нибудь монастырь в Перу либо построил себе хижину на берегу Амазонки и наслаждается одиночеством. Он всегда был немного с придурью. И зря я тогда согласился отважиться вместе с ним на глупое путешествие через Мохаве.

– Что? – Частный детектив приподнялся в кресле. – Вы переходили пустыню?

– Да, представьте себе. Чёрт меня дёрнул на эту авантюру.

– И когда это случилось?

– В августе пятнадцатого, – вздохнул Баркли.

– Для неподготовленного человека это самоубийство.

– Я тоже так считал, но друг меня уговорил. Откровенно говоря, я пошёл у него на поводу лишь для того, чтобы хоть немного расстаться с лишним весом.

– Весом? – Ардашев рассмеялся. – Вы с жизнью могли расстаться. Сколько дней вы планировали находиться в пути?

– Десять. И по его расчётам, за это время мы должны были преодолеть сто десять миль. Морган был членом Американского географического общества и бесплатно получал журнал «Нэшнл географик». За год до этого он отправился в Альпы и провёл там целую неделю. Мо гордился тем, что, имея минимум снаряжения, при почти полном отсутствии продуктов сумел не только выжить зимой в горных условиях, но и преодолеть перевал. Тогда он тоже звал меня с собой, но я считал, что нельзя нам, самым крупным акционерам, надолго оставлять банк,

ведь вся эта затея вместе с дорогой отняла бы по меньшей мере один месяц, а кроме того, могла плохо кончиться.

Баркли замолчал, и было слышно, как недовольные волны бьются о борт парохода. Затем он спросил:

– Вам это интересно?

– Да, с удовольствием послушаю ваш рассказ.

– Хорошо, – кивнул американец и, помолчав немного, продолжил: – Неподальёку от Голливуда, захватывая юго-восточную часть Калифорнии, северо-запад Аризоны и юг Невады, простирается пятая по величине пустыня мира – Мохаве. Она знаменита Долиной Смерти, песчаными дюнами, обширными областями такыров и едкими щелочными холмами. Шоссе из Лос-Анджелеса в Лас-Вегас пересекает её как раз через «содовые холмы» и такырники. Температура там доходит до +43 R^{o33} и выше при свирепом горячем ветре. В округе Сан-Бернардино, примерно на одной трети пути из Лос-Анджелеса в Лас-Вегас, лежит небольшой городок Барстоу. За ним начинается пустыня, и оттуда мы должны были начать наш пеший переход. Мой компаньон проложил маршрут на северо-запад в направлении южных отрогов гор Сьерра-Невады к городку Йоханнесбург. Местные его называют Джо-бург. Это конечная станция железной дороги Рандсбург. Городишко маленький. Население – две сотни жителей.

Путь пролегал по самой засушливой части Мохаве. Никакой особенной экипировки у каждого из нас не было, кроме охотничьего ножа, увеличительного стекла, белого носового платка, армейской фляжки в суконном чехле с надетой сверху кружкой, двадцатифутовой³⁴ тонкой верёвки из конского волоса, куска брезента размером четыре на четыре фута и такого же размера отрезка белой ткани и двух компасов. Одеты мы были одинаково: летние белые рубашки с длинными рукавами, лёгкие светлые брюки, подпоясанные армейскими брезентовыми поясами, парусиновые туфли, носки из хлопка и соломенные шляпы с большими полями.

Пообедав в придорожном кафе двумя бифштексами, часа в три пополудни мы зашагали к песчаным дюнам. Стояла адская жара. Ни воды, ни еды мы с собой не брали, потому что надеялись всё необходимое найти на месте.

Мо сказал, что перво-наперво мы должны обеспечить себя водой. Он выбрал бархан, ориентированный на восток-запад, и на северном склоне, у его подошвы, отыскал довольно ровный участок размером пять на пять футов³⁵. Сняв аккуратно слой песка в один фут, он отбросил его в сторону и сделал в центре приличную выемку, куда поставил кружку, а сверху накрыл всё брезентом, не забыв прижать края брезента песком и насыпать песка в его центр с тем, чтобы образовавшийся опрокинутый конус оказался над стоящей внизу кружкой. После этого он нашёл креозотовый куст, привязал сверху кусок белой материи так, чтобы тень закрывала только плечи и голову, и, сказав, что мы можем смело спать два-три часа, уснул. Я в точности повторил все его действия с брезентом и кружкой, после чего лёг отдыхать под своим куском материи у соседнего куста. В отличие от меня он заснул сразу. Я же истекал потом и не мог даже сомкнуть глаз. Я уже начинал проклипать себя, что согласился на это глупое путешествие, и сам не заметил, как провалился в сон. Проснулся я оттого, что Морган тряс меня за плечо. Оказалось, что за время нашего сна обе кружки наполнились абсолютно чистой водой. Оказывается, всё дело в том, что песок гигроскопичен и в нём содержится довольно много воды, но не везде. Нужен северный склон достаточно высокого бархана, ориентированного на восток-запад. Там скапливается больше всего влаги, которая испаряется и оседает на брезент в виде росы, а потом стекает в кружку. Я попробовал воду. Она была прохладной и вкусной,

³³ +53 градуса по Цельсию.

³⁴ 6,096 м, то есть 1 фут равен 0,3048 м.

³⁵ Примерно 1,5 на 1,5 м.

без солей и постороннего запаха. Я аккуратно перелил драгоценную жидкость в фляжку, и мы продолжили путь.

Наш сытный обед в Барстоу всё ещё не давал проявляться голоду, хотя, судя по солнечным часам, была четверть седьмого. Собрав брезент и следуя примеру своего друга, я засунул его за пояс. Мо уверил меня, что надо двигаться на северо-восток, и я зашагал с ним рядом, проверяя время от времени наш маршрут по компасу.

Идти на удивление было нетрудно. Песок слежался, стал плотным, и на нём легко читались следы тушканчиков, змей и койота.

По нашему плану мы должны были идти пять часов без остановки. Солнце быстро клонилось к горизонту. Вскоре угас и алый закат. Стемнело, и выплыла луна, напоминавшая осьмушку сыра. Она, точно фонарь, отлично освещала нам дорогу. Воздух был настолько чист, что, казалось, насыщен одним кислородом. Повеяло прохладой, и шагать стало немного легче. Позже я узнал, что мой друг выбрал самый худший период для похода, когда в Мохаве свирепствуют ветра и стоит нестерпимая жара. Лучшее время для такого рода авантюры – май, а не август. Но испытания, которые нас поджидали, были ещё впереди.

На пути встретились редкие по красоте деревья Джошуа-три высотой от тринадцати до семнадцати футов. В темноте они казались инопланетными великанами, спустившимися на Землю. Говорят, что такое название юкке коротколистной дали мормоны, потому что оно напоминало им Иисуса Христа, воздевшего руки к небу во время молитвы. Мо поведал мне, что семена и цветочные бутоны этого дерева съедобны.

Пустыня ночью оживала. Пели цикады. Кричала сова. Слышался шорох в зарослях жожоба³⁶. Мимо нас пробежала карликовая лисица. А прямо из-под ног выскочила песчаная игуана. На камне ждал добычу скорпион. За барханом промелькнул испуганный хищником заяц.

Мой спутник остановился и сказал, что пора вновь добыть воду, а потом готовиться к ночлегу. После того как мы вновь установили кружки и брезент для сбора воды, я внимательно наблюдал за действиями своего опытного друга и старался повторять за ним всё точь-в-точь.

Взобравшись на высокий бархан с южной стороны, он вырыл неглубокую ямку по своему росту и вокруг неё нагрёб разогретый песок на высоту раскрытой ладони, затем лёг на спину и аккуратно засыпал себя по шею. Таким образом он убрал остывший песок и добрался до тёплого. Но ещё в самом начале мой компаньон снял с пояса верёвку из конского волоса и окружил ею место своего отдыха, отпугивая гремучих змей сайдвиндер (sidewinder), которые передвигаются не вдоль тела, а поперёк и не любят подобные верёвки, поскольку ощупывают всё языком. Мой друг заверил, что теперь можно почивать спокойно и не бояться, что какая-нибудь гадина пригреется рядом с головой и любое неосторожное движение приведёт к смертельному укусу.

Заснул я быстро, но под утро сквозь сон почувствовал, как у меня замёрзли не прикрытые песком уши, щёки и подбородок. Не спал и Морган. Мы почувствовали на себе, что ночью температура в пустыне опускается до четырёх градусов по Реомюру³⁷.

Уже светало, но спать не хотелось. Мы вновь наполнили водой наши фляжки и отправились в путь, пытаясь согреться быстрой ходьбой.

Мой спутник остановился у кустарника и отломал прямую ветку с небольшой рогатиной на конце. Тут же срезал ещё одну и, заточив ножом конец, сделал копьё. Позже и я соорудил себе подобное оружие. Примерно через час Мо увидел гремучую змею с ромбами на теле. Он придавил её голову рогатиной и, достав нож, отсек её. Потом из молодой годичной кустарниковой ветки он вытащил из коры сердцевину, и получилась трубочка. Сделав вверху надрез

³⁶ Вид ветвистых вечнозелёных кустарников, в диком виде встречающихся в североамериканских пустынях.

³⁷ 5 °C.

на коже змеи, мой друг вставил в него трубочку и подул во всю силу своих лёгких. Змеиная кожа надулась, и снять её не представляло труда. Он вычистил её, нарезал длинными кусками и нанизал на веточки. С помощью увеличительного стекла разжёг костёр из сухого кустарника и пожарил мясо. Преодолев отвращение, я съел пару кусков, но меня тут же вырвало. Не сумел я насладиться и жареным тушканчиком, которого Мо убил копьём. Мне вновь стало плохо. Голова кружилась от голода и усталости. К тому же песок набился в туфли, и я натёр себе ноги. И вот тогда я твёрдо решил вернуться. У нас произошла размолвка, и Морган категорически отказался прекратить переход. Мне не оставалось ничего другого, как продолжить путь в одиночестве.

При невыносимой жаре в пустыне началась песчаная буря, и скорость ветра достигала пятидесяти миль в час³⁸. Добывать воду прежним способом было немыслимо, и в песках меня спасало только белое кактусовое молоко и эхеверия, растущая на песке, листья которой я жевал. Я запомнил это название, потому что такой цветок есть у меня дома. Питался даже ящерицами с оранжевым окрасом и чёрными разводами на теле. Ел их сырыми. Тут уже выбора не было. В небе кружили стервятники, ожидая моей смерти, а по ночам выли койоты, шедшие за мной по пятам. Я потерял компас и сбился с пути, но через четыре дня наткнулся на реку Мохаве, где я не только вдоволь напился воды, но даже поплавал, а потом кое-как добрёл до Ред Рок Каньон (Каньон Красных Гор), выбрался на шоссе, и меня подобрала попутная машина. Вдали лежал городок Лас-Вегас и возвращение к цивилизации.

– А что же Морган?

– Он так и не появился, а только слал телеграммы. С тех пор о нём ни слуху ни духу.

– А похудеть-то вам удалось?

– Сбросил двадцать фунтов.

– Согласитесь, океан кажется таким же бескрайним, как и пустыня, – доставая зелёную конфетку ландрина, выговорил Клим Пантелеевич. – И он не менее опасен, чем пустыня.

– А вот вам доводилось бродить по раскалённому песку, да ещё и при адской жаре? – надменно осведомился миллионер.

– Да, – тихо вымолвил частный сыщик. – Мне даже знаком сирокко – песчаный буран в Сахаре.

– И долго вы шли?

– Двадцать три дня.

– Надеюсь, вы были не один?

– Сначала путешествовал с караваном, потом – с напарником, а затем – в одиночестве, – проговорил Ардашев, и воспоминания его вернули на двадцать девять лет назад, в ту пору, когда ему было всего двадцать четыре.

³⁸ Около 80 км/ч.

II

26 октября 1891 года, Каир, резиденция генерального консула Российской империи в Египте.

Шагнув в кабинет начальника, помощник генерального консула и драгоман³⁹ губернский секретарь Клим Ардашев осведомился:

– Вызывали, Ваше превосходительство?

– Заходите-заходите, – по-свойски махнул рукой действительный статский советник Александр Иванович Скипетров и, не вставая из-за стола, указал на свободный стул.

Ардашев сел.

– Тут такое дело, – погладив седые усы, выговорил слегка располневший человек. Мешки под его усталыми глазами, складки морщин на лице и тронутые сединой широкие бакенбарды указывали на уже свершившийся переход через полста лет. Прокашлявшись, он продолжил: – Только что получил депешу из Санкт-Петербурга. Мне велено отправить в Хартум представителя, который должен встретиться с сегодняшним правителем Судана. Как известно, в 1883 году Махди Суданский, провозгласив себя миссией, разгромил египетскую армию, возглавляемую английским генералом Уильямом Хиком, а ещё через два года, после десятидневной осады, предводитель магометан захватил Хартум, убив, а потом и обезглавив британского генерала Чарльза Гордона, руководившего обороной города. Но и участь предводителя религиозных фанатиков тоже была предрешена. Он умер от тифа через полгода после одержанной победы. Теперь страной и джихадом руководит его ученик Абдаллах ибн аль-Саид Мухааммед (ат-Таиша) по прозвищу Халифа. Шесть лет рядом с Египтом существует независимое магометанское государство с важным портом Суакином. Два года назад командующий британскими войсками генерал Гренфелл нанёс здесь поражение войскам махдистов. Весьма вероятно, что рано или поздно Британия предпримет новую попытку вернуть Судан под протекторат Египта, правительство которого, как мы видим, фактически находится под полным контролем англичан. Однако Россия не может и дальше оставаться безучастным зрителем, и потому принято решение о первом шаге – послании в Хартум нашего представителя для знакомства с Абдаллахом. Речь не идёт об открытии дипломатического представительства, поскольку это вызовет возмущение англичан. Сейчас главное – встретиться с правителем суданских дервишей, рассказать о России и дать понять, что Петербург заинтересован в установлении дружеских взаимоотношений с Хартумом. На первое время этого достаточно. А дальше – будет видно. Как прикажет МИД, так мы и поступим... Это было предисловие, а теперь главное: вы и будете представлять Российскую империю в Хартуме, но только инкогнито. Англичане ничего не должны об этом знать.

– Почту за честь, Ваше превосходительство! – поднявшись, отрапортовал молодой дипломат. Лишь вспыхнувший, едва заметный румянец на его щеках и подёргивание тонкой нитки аккуратных английских усов выдали в нём волнение.

³⁹ Официальная должность переводчика в дипломатических представительствах Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.